

Вот так Ся Ян, почти ничего не знавший о местах, где вырос, оказался в баре Хуамяо, куда его привез близкий друг. Стоило им встретиться с остальной компанией, как над ним снова принялись подшучивать.

Будучи одним из самых популярных ночных заведений, Хуамяо действительно отличался своим своеобразием: помимо причудливого декора, здесь подавали молочный чай и другие лакомства, которые обычно не ожидаешь увидеть в меню бара.

Именно из-за этого отбоя от клиентов не было, и найти свободный столик здесь считалось большой удачей.

Как только на первом этаже освободилось место в дальнем углу, Сяо Фэй зорким глазом заметил его и, рванув вперед, плюхнулся на стул, даже не подумав о том, что от сиденья может идти такой жар, будто это не стул, а сауна. Ся Ян, поприветствовав компанию, сел рядом с ним с весьма озадаченным выражением лица. На встречу пришло не так много однокурсников: если пересчитать по пальцам, набралось всего восемь человек, как раз по паре, хотя ни у кого из них не было подобных мыслей.

— Мама в последнее время совсем замучила с замужеством, а пары-то нет. Кто-нибудь, познакомьте меня с кем-нибудь, — Ин-цзы, только закончившая университет и работающая сейчас не по специальности, то и дело жаловалась, что зря потратила время на магистратуру.

Ся Ян лишь усмехнулась в ответ:

— Тот, кого люблю я, уже занят, а тот, кто любит меня — зрелище не для слабоверных. Печально, ох, как печально. Пачка салфеток полетела в него, и Сакура покраснела от злости:

— Хм! Пойду оформлю заказ!

Она схватила бланк и зашагала прочь, не забыв напоследок бросить на Ся Яна свирепый взгляд. Эх, сам напросился, некого винить!

— Конфуций говорил: «Лишь женщины и низкие люди труднее всего поддаются воспитанию», — еще один смертник, не ведающий страха, тут же подвергся жестокой критике со стороны трех присутствующих женщин. Все немного успокоились лишь тогда, когда Сакура вернулась с раскрасневшимся лицом.

Уходила красной — и вернулась красная. Только вот та краснота была совсем не похожа на эту.

— Когда я ходила оформлять заказ, там был такой красавчик, просто прелесть!

Красавчик?! Прелесть?! Как они вообще умудряются сочетаться в одном человеке?

— Интересно, на втором этаже еще есть места? Здесь все курят, уже дышать нечем, — не то Сяо Фэй пропустил всё мимо ушей, не то просто мастерски перевел тему.

Опешив, только Ся Ян машинально бросил в ответ:

— Кто сказал, что мы не курим? Разве мы сейчас не дышим пассивным дымом?

Грандиозная тема для разговора была безжалостно задушена этим совершенно бессвязным диалогом. Сакуре не оставалось ничего другого, как молча сесть на свое место. В ожидании все заговорили о том, как у кого дела. Высокая ли зарплата, хорошие ли условия, женился ли кто, появился ли возлюбленный... Все эти темы отчетливо показывали, что каждый из них уже вырвался из той наивной и невинной поры и ступил во взрослую жизнь, которую они когда-то так презирали.

Не знаю, совпадение ли это, но тот самый парень, от которого у Линг Инцзы покраснело лицо, подошел ближе, неся поднос с молочным чаем. Его крошечное овальное личико украшали два черных, сияющих глаза — огромные и донельзя жалостливые, прямой аккуратный носик и нежно-красные губки; куда ни глянь — сплошное очарование.

— Ого, и правда прелесть, я тоже такого хочу, — низкий шепот Сянсю случайно долетел до слуха юноши, и его рука, державшая поднос, слегка дрогнула.

Поставив шесть порций молочного чая и два бокала коктейля, парень поспешно ретировался, причем по дороге неловко споткнулся и чуть было не рухнул на кого-то.

— Помилуйте, вы же напугали паренька! Нельзя же так бестактно, разве это женщины? Никакой скромности, — Сяо Цзун презрительно покосился на Сяо Фэй.

— Чего это ты на меня так смотришь? Это что еще значит?

— Сяо Фэй, не пялься на него взглядом голодного волка, он же тебя и боится.

— Сколько раз говорить, не называйте меня толстой! Где я толстая? Я за последнее время еще несколько цзиней скинула! — больше всего на свете она не выносила, когда ее называли толстой, хотя толстухой она не была — так, сбитой и плотненькой, даже довольно миловидной.

Все они, споря между собой, совсем не заметили состояния Ся Яна, но так было даже лучше, иначе он и сам не знал бы, как всем всё объяснить. Оставалось лишь делать вид, что пьешь молочный чай, чтобы хоть как-то унять нервозность.

По настоянию Сянсю тот самый официант принес еще несколько трубочек. Интересно, это назвать проявлением храбрости или глупости?

— Эй, а номерочком телефона не поделишься? Оставь нам свой.

— Тебя сегодня вечером кто-нибудь провожает? Хочешь, она тебя проводит?

— Сколько тебе лет в этом году? Совершеннолетний уже?

Вопросы-подковырки сыпались один за другим, но парень делал вид, что ничего не слышит, молча опустил вещи на стол и поспешил скрыться.

Как только юноша ушел, Цзя Цзя, которая до этого почти не раскрывала рта, подняла голову:

— Если *ты* его подбросишь, еще бы он не сбежал со страху. Сама подумай: если его проводит парень, это куда страшнее, чем если бы провожала девушка.

— Послушай, не болтай ерунды! Я имела в виду, что *они* (девушки) его проводят, а не *они* (парни)!

— Да кто ж разберет, какая там «она» или «он» в твой адрес прозвучали! К тому же, кто поручится, что ты сам не того! — Слова Цзя Цзя вывели Сяо Цзуна из себя, и он завопил во всю мочь: — Да он вообще натурал! До самого конца вечеринки эта фраза не давала Ся Ян покоя, вызывая внутри болезненное напряжение. Отказавшись от любезного предложения друзей подвезти его до дома, Ся Ян взял такси и отправился в другое место. Закрыв за собой дверь, он разразился диким смехом, обхватив живот и катаясь по полу, пока из глаз не брызнули слезы.

Щелчок — и зажегся свет. Мужчина, сидевший на диване, приподнял бровь, глядя на своего возлюбленного, и издал короткий смешок.

Этот взгляд, полный недвусмысленного предупреждения, подсказал Ся Яну: он только что неосторожно дернул за последнюю струну.

— Очень смешно, да? Тебе доставило огромное удовольствие смотреть, как твои однокурсники меня подкалывают? Ты так счастлив, что я не прижал тебя к полу прямо на их глазах? Восхищен моим блестящим актерским мастерством? Или, быть может, тебе действительно так смешно слышать, что я натурал?

Ся Ян, сдерживая смех, покачал головой. Где уж там дергать тигра за усы, да еще и такого разъяренного, пылающего гневом тигра.

— Не смешно? А по-моему, ты выглядел весьма довольным. Знаешь, я вот думаю: если бы твои одноклассники узнали, что я не только гей, но и тот самый человек, который в любой момент может прижать их старосту к стенке — интересно, смог бы ты тогда так же весело смеяться? — Лун Май рывком поднял Ся Яна с пола, вжал его в стену и впился поцелуем в эти насмешливые губы, властно вторгаясь внутрь.

— Еще будешь проказничать?

— Не буду... — Ся Ян, обмякший и безвольный, прильнул к Лун Маю. Теперь-то он понял, насколько важно мужское достоинство. И все же... Лун Май сам начал притворяться невинным

и милым, иначе разве посмели бы однокурсники над ним подшучивать? А он сам... как же он умудрился свернуть не на ту дорожку?

В ту ночь, вплоть до самого рассвета, когда яркое солнце залило комнату светом, Ся Ян был вынужден тонуть в пучине страсти, не в силах выбраться. Последствием столь бурного разврата стало трехдневное отсутствие в университете, и с тех пор Ся Ян больше не решался посещать какие-либо встречи выпускников.

Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь на воду.

Кто не понимает любви

В 57000 году нашей эры высокоразвитые технологии превратили Землю в настоящую глобальную деревню. Человечество перестало быть самым разумным видом во Вселенной: подчинившись культурной и эмоциональной экспансии инопланетных существ — мосов, люди постепенно утратили чувства.

Дети больше не были плодом любви. Люди, презирая близость, подобную животной, начали размножать потомство путем искусственного выращивания. Появившихся на свет детей распределяли по семьям, где они и воспитывались до совершеннолетия. Вырастая в таких условиях, дети становились еще более холодными. Лишенные эмоционального общения, они знали, что такое справедливое распределение и командная работа, но понятия не имели, что такое чувства. Эмоциональные всплески, описанные в древних книгах, казались им чем-то нелепым.

Интеллект определял статус, способности — власть. За миллионы лет нашелся лишь один человек, который превзошел всех своих предшественников: с уровнем интеллекта 320 он стоял на вершине глобальной деревни, и все земляне преклонялись перед его талантом. Даже самые высокомерные мосы во Вселенной были готовы относиться к нему как к равному.

Будучи гордостью глобальной деревни, Бу Янь вовсе не чувствовал себя счастливым. Вернее сказать, он даже не знал, что такое счастье.

В древних книгах сказано: Относись к чужому государству, как к своему; к чужой семье — как к своей; к чужому телу — как к своему. Поэтому, если правители любят друг друга, они не воюют; если главы семей любят друг друга — не враждуют; если люди любят друг друга — не причиняют вреда. Если подданные любят друг друга — они верны; если отцы и сыновья любят друг друга — они почтительны; если братья любят друг друга — они живут в согласии. Когда все люди в Поднебесной любят друг друга, сильные не обижают слабых, большинство не притесняет меньшинство, богатые не презирают бедных, а знатные не задирают нос перед простолюдинами.

Были и другие слова: Счастье или несчастье — это дело души. Счастье заключается не в обилии скота или золота, а в божественности самой души.

Все это он почерпнул из древних текстов, но так и не смог осознать до конца. Бу Яню даже не нужно было спрашивать остальных — он и так знал, что никто из них не поймет смысла этих слов, не говоря уже о том, чтобы прочувствовать их на собственном опыте.

Сойдя с кресла, сделанного из хрустальных облаков, Бу Янь вдруг захотел прогуляться пешком вдоль берега виртуальной реки в лесу Винни. Как только он вышел из здания Империи, стража немедленно окружила его, взяв в плотное кольцо, чтобы предотвратить любые заговоры злоумышленников.

— Я хочу пройтись один. — Лес Винни был крайне безопасным местом: вокруг него жители глобальной деревни приняли все меры предосторожности, и доступ туда был открыт лишь немногим высокопоставленным лицам.

— Безопасность Председателя Ко превыше всего. — Земля возложила на них великую и ответственную миссию, и они гордились этим. Ради безопасности Бу Яня они были готовы пожертвовать жизнью.

— Один. — Бу Янь, который никогда не отличался многословностью, повторил свою просьбу. На самом деле раньше ему даже в голову не приходило гулять где-то в одиночестве, но недавние события заставили его искать абсолютной тишины, чтобы обо всем обдумать.

Охранники пребывали в крайнем замешательстве — они понимали, что решение зависит не от них. Если с Бу Янем что-то случится, никто не сможет нести за это ответственность. В конце концов, капитан охраны доложил о ситуации Семерке, отвечающей за стабильность глобальной деревни.

— Вы позволите мне идти? — Зная, что это неизбежная процедура, Бу Янь все равно чувствовал раздражение. Впервые за тридцать лет у него возник эмоциональный всплеск. Если вы отправляетесь в Винный Лес, проблем не возникнет. Смысл был очевиден: отправляться в одиночку куда-либо еще, кроме Виннского Леса и собственного дома Бу Яня, категорически запрещалось.

Утратив всякое желание посещать Винный Лес, Бу Янь решил вернуться домой.

Обернувшись, он вышел тем же путем, каким и появился здесь.

Хотя это место называлось домом, на самом деле оно представляло собой лишь верхний этаж Эмпайр-Стейт-Билдинг. Возвышающееся в небесах здание насчитывало двести восемьдесят семь этажей: на двести восемьдесят шестом располагался личный кабинет Бу Яня, а его жилище находилось прямо над ним.

Лёжа на кровати, Бу Янь смотрел в потолок, постукивая пятью пальцами правой руки по воздуху, и на огромном экране тут же появилась нужная ему информация. Необходимые знания уже давно запечатлелись в его памяти, однако, сменяемый жаждой познания, он

пользовался компьютером для поиска материалов о древних эпохах. В глубине души он считал себя многократно глупее людей древности и порой даже не мог постичь ослепительного великолепия текстов, созданных его предками.

Спустя два часа Бу Янь выключил компьютер.

Описания предков подсказали ему, что испытываемое им сейчас чувство называется раздражением. И причиной этого раздражения было то, о чем земляне могли лишь мечтать, считая высшей честью, — он просто не хотел вступать в связь с мосской женщиной. Что хорошего в этих двухметровых девицах свысока смотрящих на землян? По крайней мере, в его глазах они напоминали бегемотов с берегов реки в Виннийском Лесу.

Мосцы согласились дать ему полмесяца на раздумья, но хотя все преподносилось как его собственный выбор, решение справить свадьбу ровно через две недели было принято заранее. Что же до Земной Деревни, то там все поголовно выражали полное одобрение. Хотел он того или нет, но через три дня ему предстояло стоять на мосской свадьбе и соединиться с мосской женщиной на глазах у изумленной публики, за тончайшей прозрачной вуалью.

Нет, он наотрез отказывался с этим мириться.

У него было свое самосознание, своя гордость, а его достоинство не позволяло топтать себя в грязь. Его душа не терпела чужого контроля.

Приподнявшись на кровати, Бу Янь растопырил пальцы и закрыл ими свое миниатюрное лицо, а основание ладони легко коснулось губ. Всколыхнувшееся в этот миг странное чувство заставило его немедленно принять решение. Босиком зайдя в ванную и наполнив доверху ванну водой, он тронулся губами в легкой улыбке, тихо погрузился в воду и позволил ей полностью скрыть его с головой.

Прошлое принадлежит богу смерти, будущее принадлежит тебе.

С небес грянул удар молнии. И хотя стоял ясный, безоблачный день, это странное явление повергло всех в панику и тревогу. Когда люди обнаружили Буяня, спасти его было уже поздно. Бай У, один из Семи Великих У, громко рыдал, обнимая холодное тело Буяня, и никого к нему не подпускал. Подобный плач был чужд землянам: они решили, что Бай У лишился рассудка, и попытались силой отобрать у него Буяня. Ведь даже если Буянь мертв, его тело все равно нужно было отдать мосианцам, чтобы уладить дело.

— Нет... Ни за что! — Бай У оттолкнул протянутые к нему руки, подхватил Буяня и бросился бежать.

Это он довел Буяня до смерти. Если бы он не согласился на его брак с мосианцем, Буянь не оказался бы в таком положении. Он не позволит Буянью уйти в одиночку. Даже если придется предать Землю, он больше никогда с ним не расстанется.

Скорость Бай У была непревзойденной. Даже когда на его поиски бросилась добрая половина людей, он легко оставил их позади.

— Дело плохо! Бай У уже вошел в центр Солнечной системы, через полчаса...

На самом деле полчаса и не требовалось. Стоило ему захотеть, и встреча произойдет гораздо быстрее. Жди меня, Буянь! В этой жизни я перед тобой виноват, но в следующей обязательно все искуплю!

— Я говорил, что люблю тебя... Картины этого суетного мира становились ясными лишь благодаря твоему лицу, но они — лишь фон для твоей несравненной, печальной красоты.

Прижимая к себе Буяня, Бай У без колебаний бросился в пламя счастья.

Неопределенность в отношениях приносит лишь страдания — и это чистая правда. Если бы тогда, в университете, кое-кто перед самым выпуском не обронил ту двусмысленную фразу, я бы не оставался один по сей день.

Прошло шесть лет, в течение которых от него не было никаких вестей. И надо же было такому случиться, что на встрече выпускников шесть лет спустя мне сообщили: скоро он женится, да еще и на нашей младшей сокурснице! Тьфу! Разбередил мне душу, а теперь хочет выйти сухим из воды? Как будто в этом мире все дается так легко... Разбежался!

Решив идти до конца, Гу Нин впервые в жизни проявил такую храбрость. Собрав все необходимые сведения, в день свадьбы этого человека он при всех похитил жениха, оставив гостей стоять с разинутыми ртами.

— Боже, впервые вижу, чтобы Гу Нин был настолько смелым, — рассмеялся один из гостей, одетый как шафер.

А невеста без малейших колебаний прямо на месте скинула свадебное платье, под которым, как оказалось, скрывался совсем другой наряд. Вела она себя на редкость бесцеремонно, совсем не напоминая прежнюю скромницу:

— С меня хватит этой роли благовоспитанной леди! Если бы не счастье моего двоюродного брата, я бы ни за что не надела это тряпье!

— Да ты просто пришла повеселиться! — дружно расхохотались гости. На самом деле все они уже давно знали, в кого влюблен Вань Цзи, вот только сам этот дуралей ни о чем не подозревал. Вань Цзи говорил, что если Гу Нин сам не проявит инициативу, то их любовь не будет совершенной. Как только эти слова разнеслись повсюду, все узнали: настоящий демон находится прямо рядом, просто он скрывается под личиной человека, а вы об этом даже не подозреваете.

По правде говоря, похитив жениха, Гу Нин совершенно не знал, что делать дальше. Он просто не хотел позволить ему жениться.

— Ты любишь меня? Если не любишь, то позволь мне вернуться и сыграть свадьбу.

Симпатия — это легкая любовь.

Любовь — это глубокая симпатия.

— Я всё это время ждал ответа на вопрос шестилетней давности, — не дожидаясь ответа Гу Нина, добавил Ван Цзи.

На самом деле, та двусмысленность шесть лет назад была завуалированной просьбой, просто трусливый Гу Нин упорно избегал её все эти годы. Если бы не сегодняшний случай, возможно, прошло бы ещё шесть лет, а то и больше.

— Тогда ты всё ещё...

— Я люблю тебя. И это чувство ничуть не изменилось.

— И я тоже люблю тебя. Довольно, этих слов достаточно.

Ван Цзи протянул руку и переплел свои пальцы с пальцами Гу Нина, после чего они зашагали обратно той же дорогой, которой пришли.

— Куда ты идешь? — обратный путь ничем не отличался от того, по которому они пришли, и это привело Гу Нина в ужас. — Я люблю тебя, правда, умоляю, не возвращайся. Я не хочу, чтобы ты женился на той женщине.

Отерев слёзы с лица Гу Нина, Ван Цзи с нежностью посмотрел на него:

— Глупыш, я возвращаюсь с тобой, чтобы устроить нашу свадьбу. Моей невестой всегда был и будешь только ты один.

Преступный призрак

У Син считал, что его смерть была вполне закономерной: даже если он убил человека неосознанно, это всё равно тяжкий грех. Однако винить в этом мать он не мог — в конце концов, она сама была одной из жертв, как, разумеется, и его родной брат. Двадцать две пары хромосом — вот истинный источник всех бед.

Казалось бы, смерть должна была означать конец всего, но по неизвестной причине У Син обнаружил, что после кончины он не отправился в цикл перерождений, а остался скитаться в мире живых, наблюдая за развитием событий. Истина шаг за шагом выходила наружу, и У Син поражался: оказывается, корни этой истории уходят так глубоко, и именно тот кривой нож был источником всего зла. Но когда же наступит конец этому злодейству? Что ждет в будущем тех сестер-близнецов? Есть ли ещё в этом мире такие же, как я — одновременно полные порока и совершенно невинные?

— О чем это ты так глубоко задумался? Не обо мне ли случайно? — Человека, произнесшего это, У Син про себя называл не иначе как чертёнком. С тех пор как он встретил этого чертёнка, У Син понял, что его преследует сплошное невезение. Разве не говорили, что быть призраком — самое беззаботное дело на свете? Почему же он совершенно этого не ощущал? После смерти его душа бесцельно скиталась в пустоте, пока её не поймал этот младший господин из семьи спиритов. Стирать одежду, готовить еду, убираться в доме и делить с ним постель — всё это было ещё терпимо, но этот мелкий негодяй додумался угрожать ему: если тот хочет узнать, как развиваются события, то обязан смотреть с ним кино.

Что?! Ты и правда считаешь, что в этом нет ничего такого?! А ну попробуй сам с ним посмотреть. В фильмах вечно одни только мужчины, от начала и до конца они кричат, не переставая, и занимаются всякими непотребствами — неужто не боятся подавиться?

Черт возьми, этот малец ещё больший извращенец, чем он сам. Впрочем, плевать... Наверное, всё же он сам куда больший извращенец: насиловать и убивать в бессознательном состоянии — кто ещё может с ним сравниться?

— Опять о тех делах задумался? Совесть замучила? — мелкий прихлебнул чаю и продолжил язвить: — По одному твоему виду, старик, ясно, какой ты грязный тип. Как у тебя только рука поднималась на тех женщин? Не боишься импотентом стать? Хотя тебе и правда не повезло: всё совершал бессознательно, а отвечать приходится тебе. Но если бы такой подонок, как ты, не сдох, боюсь, ещё многие отправились бы на тот свет следом за тобой. Ц-ц-ц, лучше бы ты помер пораньше.

Погляди-ка, разве это слова утешения?! Как-никак при жизни он был статен и красив, галантен и обходителен, все его обожали... Ладно, не стоит и вспоминать.

Стоило ему на мгновение отвлечься, как рука мальчишки уже проскользнула под одежду и начала его гладить. — Давай же, старик, поторопись искупить свою вину. Искупи её своим телом, а я помогу тебе упокоить их души, чтобы в следующей жизни они переродились в хороших семьях и им больше не пришлось встречать таких, как ты.

Он рванул штаны, и стало ясно, что дело дойдёт и до нижнего белья.

— Твою же мать, есть на свете такие извращенцы, как ты? Прошло уже несколько сотен лет, те, у кого было двадцать две пары хромосом, давно сгнили, и даже потомков у них не осталось. Да и я с тех пор подобным не занимался. Те, кого я погубил, уже давно переродились, не нужны

им твои молитвы об упокоении.

С тех пор действительно минуло много лет, и на душе давно стало легче, хотя порой воспоминания о прошлом и всплывали в памяти. Времена менялись, а он оставался прежним, и этот мальчишка не повзрослел ни на йоту. Было бы глупо с его стороны до сих пор считать его человеком.

— Ц-ц-ц, сегодня у тебя мозги работают на удивление быстро. Даже рассудок прояснился, не успел я приступить к трапезе — как же это раздражает. Разве старик не должен страдать старческим слабоумием? Ладно, так уж и быть. Я пойду выпью спрайта, будешь? — Человек, который никогда не признавал себя мальчишкой, обожал лакомства, любимые детишками.

Поправив штаны, У Син решил выпить чашечку горячего кофе.

Он допил, и тут же рухнул на пол.

<http://bllate.org/book/21152/2144338>